

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный
федеральный университет», проректор
по научной работе Донской духовной
семинарии, иерей, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: k_fp3@mail.ru

Дюжиков Сергей Александрович,
доктор философских наук, доцент,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционализма,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: duzhikov@sfedu.ru

Казачанская Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88, email: elk.13@yandex.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University;
Vice-rector for Scientific Work
of the Don Theological Seminary, Priest,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

Dyuzhikov, Sergey A.,
Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
PhD in Law, Professor
of the Department of Constitutionalism,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: duzhikov@sfedu.ru

Kazachanskaya, Elena A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: elk.13@yandex.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

LEGAL CONSCIOUSNESS AND SPIRITUAL AND MORAL CHALLENGES OF MODERN SOCIETY: A CONSERVATIVE VIEW ON THE POSSIBILITIES OF OVERCOMING VALUE RELATIVISM

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают правосознание современного человека с точки зрения нравственных ценностей и идеалов общества Пост-модерна, которое отличается особым, порой даже подчеркнутым равнодушием к вечным идеалам и истинам. В статье показывается, что ценностный релятивизм

ABSTRACT. The authors consider the legal consciousness of modern man from the point of view of the moral values and ideals of postmodern society, which is characterized by a special, sometimes even emphasized indifference to eternal ideals and truths. The article shows that value relativism negatively affects the legally significant behavior of a person

отрицательно сказывается и на юридически значимом поведении личности, которая не имеет правильной системы координат при принятии решений, вступая в правоотношения без каких-либо представлений о важнейших моральных принципах. Однако авторы приходят к выводу о существовании выхода из «тупика современности»: постмодернистский релятивизм может оказаться «точкой роста» интереса к традиционным духовно-нравственным ценностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нравственные ценности, нравственный закон, политико-правовые идеи, эпоха Модерна, постмодернизм, традиционное общество, правовая культура, правосознание, правопонимание, право и мораль

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Правосознание и духовно-нравственные вызовы современного общества: консервативный взгляд на возможности преодоления ценностного релятивизма / А. И. Овчинников, С. А. Дюжиков, Е. А. Казачанская. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25–31. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-4

Природа нравственных норм и ценностей до сих пор является загадкой для ученых, пытающихся с помощью рационализма ответить на вечные вопросы о «совести», «долге», «справедливости» и прочих нравственных понятиях. Здесь нельзя не вспомнить И. Канта с его нравственным доказательством бытия Бога, которое строится на представлении о наличии всеобщего, абсолютного и вечного нравственного закона: «Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Кант восторгался и удивлялся наряду с бесконечностью Вселенной наличием морального закона, нравственного долга личности, который преодолевает закон причинности и следование которому определяется свободной волей человека. В самом деле, именно совесть или внутренний нравственный закон являются прямым доказательством бытия Бога и наличия в человеке бессмертной души. Очевидно, что нравственное чувство есть у большинства людей. Попытки с помощью естествознания объяснить нравственные поступки человека обречены на неудачу. Или просто порождают массу противоречий. К примеру, австралий-

who does not have a correct coordinate system when making decisions, entering into legal relations without any ideas about the most important moral principles. However, the authors conclude that there is a way out of the “impasse of modernity”: postmodern relativism may turn out to be a “growth point” of interest in traditional spiritual and moral values.

KEYWORDS: moral values, moral law, political and legal ideas, the modern era, postmodernism, traditional society, legal culture, legal awareness, legal understanding, law and morality

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I., Dyuzhikov, S. A., Kazachanskaya, E. A. (2025) Legal Consciousness and Spiritual and Moral Challenges of Modern Society: a Conservative View on the Possibilities of Overcoming Value Relativism. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(1): 25-31 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-4

ский философ и профессор биоэтики Питер Сингер, автор эссе «Освобождение животных», стал еще в молодости вегетарианцем в силу моральных убеждений [10]. Произошло это после того, как он узнал о жестокости, творящейся на фабричных фермах, и о тех страданиях, которые испытывают животные. Тем не менее этот же ученый вполне серьезно предлагает признать право родителей прерывать жизнь новорожденных с серьезными врожденными заболеваниями.

Однако не менее сложным является и вопрос о правовом естественном законе, который также известен каждому. Например, даже ребенок интуитивно осознает простейшие правоотношения, в которые вынужден вступать, общаясь с другими детьми. Наиболее типичным примером является договор мены в детской песочнице, где происходит первичное знакомство с схемой «прав и обязанностей». Таким образом, можно с уверенностью утверждать, каждый человек обладает врожденным правосознанием, основу которого составляет естественной закон, имеющий единую моральную и юридическую сущность.

Человечество издревле осознает, что от нравственных вопросов зависит выбор модели общественного развития. Общество эгоистов

или рационально мыслящих индивидуалистов, в котором нравственность является разделом логики и рассудочного выбора между полезным и вредным, может развиваться и сохранять устойчивость ровно до той поры, пока не возникнут кризисные процессы и события, ставящие человека в ситуацию выбора между своим личным интересом и пользой ближнего. В такой ситуации не до рациональности, решения диктуют нравственные и правовые чувства.

Как проявляется существование нравственного закона в человеке? Вряд ли найдется хоть один человек в здравом уме и со здоровой психикой, который выбрал бы общество хищников вместо общества собратьев. Либо это жизнь хищника в диких джунглях, либо жизнь в любви, гармонии, радости и спокойствии. Однако такая жизнь предполагает не столько получение и потребление благ от других людей, сколько отдачу и жертву. Общество, в котором все способны к жертвенному служению ближнему, будет процветать, каждый прекрасно это понимает. Между тем, это общество остается мечтой идеалистов, все еще верящих, что человек способен к построению такого рая земного без вмешательства Бога.

Именно интуиция правды и правильности поведения лежит в основе моральных и правовых переживаний и рассуждений. Правосознание является одной сфер индивидуального сознания человека и базой его правового мышления. Его происхождение до сих пор вызывает споры, так как в каждой философской концепции свое объяснение природы человека, своя антропология. Очевидно для всех то, что интуиция справедливости или правоты неразрывно связана с понятием «совесть». Совесть является в некотором смысле начертанным в сердце человека естественным законом, по которому каждый призван судить себя и ограничивать свой эгоизм. Благодаря этому закону человек должен понимать: «Как же различать нравственно доброе от нравственно дурного? Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности» [6, с. 3].

Таким образом, и нравственный и правовой закон произрастают из единого начала человеческого сознания. Можно сказать, что обе грани этого закона присущи каждой человеческой душе и известны от рождения. Об этом свидетельствует и Библия, где апостол Павел, объясняя как будут судимы на Страшном суде язычники, не ведающие Закона Моисея, говорит следующее: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Отсюда можно сделать вывод о единстве нравственного и правового сознания, укорененных в Божием законе, «прописанном в сердцах».

К сожалению, в большинстве своем человечество не только не пытается жить по божественному нравственному закону, но и по естественному, «написанному в сердцах», а значит, и известному каждому. Почему так происходит? На этот вопрос дает ответ вновь Библия: человек не может совладать с собой, с голосом совести, с естественным нравственно-правовым чувством в силу преувеличенной любви к себе, в силу эгоизма, господствующего над личностью. Эту склонность к эгоизму человек наследует после грехопадения предков – прародителей человечества Адама и Евы. Апостол Павел говорит об этом так: «Я не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе, потому что желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти?» (1 Рим. 7:15). Любый человек, наблюдающий за собой и своим поведением, не может не согласиться с апосто-

лом Павлом, ибо сколько раз каждому человеку приходилось испытывать стыд, например, за горячность и излишнюю эмоциональность, гневливость, которым, как правило, нет никакого оправдания. Однако чаще всего раскаяние приходит и за более серьезные поступки, как, например, у Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского.

Современное состояние общества, к сожалению, все менее способствует тому, чтобы не естественный закон определял поведение человека, а его желания и интересы. Культ человеческого эгоизма, культ потребления и удовольствия привел к тому, что очевидные и естественные нравственные нормы подвергаются сомнению: например, супружеская измена объявляется не предательством и падением, а нормой жизни. В самом деле, зачем соблюдать верность супружескую, если у супругов изменились отношения, они надоели друг другу или просто появился более выгодный вариант. Формула «главное, чтобы мне было хорошо» становится на место совести и естественного нравственного закона. Удовлетворение личных интересов постепенно превращается в смысл жизни миллионов людей.

Проникая во все сферы общественной жизни, становясь постепенно главной ценностью человеческих отношений, эгоизм или себялюбие медленно «подминает» под себя общественные институты. Нравственным становится то, что ранее считалось безнравственным. Супружеская измена объявляется «поиском новых впечатлений», а блудные связи – «свободными отношениями». О губительности пути современного общества, подверженного культивации сексуальности и гедонизма, писал видный американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин: «Цивилизованные общества, имеющие строжайшие ограничения сексуальной свободы, создали самую высокоразвитую культуру. Во всей истории человечества нет ни единого примера того, как общество поднялось до уровня рационалистической культуры без того, чтобы женщины рождались и воспитывались в строго определенных правилах верности одному мужчине. Далее, нет примера такого сообщества, которое сохранило бы свое положение на высокой ступени развития культуры после того, как менее строгие сексуальные обычаи пришли на

смену более ограничительным». Вот результаты сексуальной революции, по П. Сорокину: рост числа разводов, распадов семьи; упадок родительской любви, увеличение числа бездетных семей; возрастающая распущенность, беспорядочные половые связи, растущая тяга к сексу; сексуализация культуры – литературы и живописи, музыки, театра, кино, телевидения и радио, массовой печати, коммерческой рекламы, ввиду чего растут психические расстройства, добрачные связи, ослабляется творческое начало в человеке, одержимом сексом, распадаются семьи, страдают дети, растет число социальных конфликтов, распространяется социальная анархия, ослабляется стимул здоровой жизни общества [5, с. 10]. «Новый нарциссизм» – мировоззрение, в рамках которого формируется человек современной эпохи.

Эгоизм и своеволие, гордость и высокомерие разрушают и институты государства, ведут к росту преступности. Вспомним роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», где, согласно взглядам главного героя Родиона Раскольникова, люди делятся на «тварей дрожащих» и «право имеющих». Себя он относил к последним, что и привело к попытке Раскольникова доказать самому себе, что он имеет право делать все, что захочет. Так он и убивает старуху-процентщицу.

Эпоха Модерна, главным признаком которой стоит признать секуляризм или вытеснение Церкви на обочину государственной и общественной жизни, что выразилось в идеях светского правового государства, запрета религиозных обрядов и символов в государственных учреждениях, лишении Церкви права быть нравственным ориентиром в мире, ознаменовалась постепенным пересмотром традиционных ценностей, таких как вера, отечество, семья и мн. др. Пересмотр традиционных ценностей начался еще в эпоху Ренессанса. Так, в трактате «Государь» Никколо Макиавелли, который считается одним из самых известных примеров морального нигилизма, утверждается полная свобода в выборе средств сохранения власти со стороны правителя, какими бы аморальными эти средства не были.

Взамен ценностей традиционного общества были подняты на знамена идеалы «Свободы, Прогресса, Равенства». Научные открытия XVII–XIX вв. способствовали появлению но-

вой веры в возможности построения справедливого и гармоничного общества на началах научного знания, а человек стал пониматься не как творение Божие, поврежденное первородным грехом, исправить которое может только Бог, а как продукт общественной жизни: его нравственное состояние определяется, якобы, влиянием общества. То есть человек появляется на этот свет *tabula rasa* (чистая доска), от природы являясь добрым (Д. Дидро). В такой антропологии нет места идее врожденного нравственно-правового чувства.

Центральным этапом Модерна стала эпоха Просвещения с идеей построения светского правового государства и гражданского общества на принципах «Разума, Свободы и Равенства». Господствующим идеологическим течением стал либерализм с его доминирующей установкой на свободу делать то, что прямо не запрещено законодательством. В области морали и нравственности либерализм предоставил полную свободу самоопределения и автономии личности. То есть каждый сам решает за себя, что признавать моральным и нравственным, а что нет, не обращая внимания на врожденную совесть.

Постепенно стали проявляться плоды такого свободного самоопределения в области нравственности: произошло катастрофическое изменение нравственных норм. То, что считалось ранее недопустимым, стало рассматриваться как вполне приемлемое. Например, семейные ценности, такие как верность, многодетность, уважение к старшим, стали подвергаться насмешкам. В литературе этот кризис нравственного аспекта Модерна затрагивался неоднократно. В романе «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса старик, избитый подростками-гопниками из бара, кричит, что «пусть уж лучше его убьют, поскольку он не хочет жить в мире, где молодые не уважают стариков, где возможно посылать корабли в космос, но трудно уважать Закон». Оказалось, что варварство не только само по себе не исчезает благодаря просвещению и образованию, но даже усиливается под воздействием целого ряда факторов индустриального общества. Преступность, нравственный нигилизм, бесчеловечность стали спутниками современного общества. Трудно не согласиться с оценкой литературного критика одноименного фильма режиссера Стэнли

Кубрика: «Очевидно, фильм утверждает, что человечность исчезла в мире, мораль разрушена, людей ничто не интересует, кроме секса и насилия. И нет никакого выхода, никакой возможности исправить содеянное! “Заводной” человек Кубрика, каким бы ни был завод, – уже не человек» [4].

Модерн в XX веке под влиянием критики идеалов либерализма, разочарования в возможности реализовать цели Просвещения постепенно трансформировался в Постмодерн, что охарактеризовалось изменением нравственных и правовых ценностных установок. Впервые термин «постмодернизм» используется в книге немецкого писателя и философа Рудольфа Панвица «Кризис европейской культуры» (1917) [8]. Причем автор его использует как отрицание нигилизма Модерна. По мнению Умберто Эко, «постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности» [7].

Прежде всего, постмодернизм провозглашает релятивизм и плюрализм нравственных ценностей, означающий, что «все относительно», что не существует абсолютных критериев добра и зла. Следовательно, не может существовать никаких обязательных для всех нравственно-правовых норм и идеалов. На место традиционных нравственных и правовых идеалов приходит относительная мораль, которая провозглашает в качестве морального то, что находится «в тренде». Как правило, тренды формируются СМИ и их собственниками, которые используют медиакоммуникации для своих целей. В качестве примера манипулирования сознанием с помощью СМИ можно привести движение BLM, гипертрофирующее моральную ответственность белого населения перед «черными», или продвижение ЛГБТ¹.

В связи с тем, что проект Модерна предусматривал разрушение традиционного общества с его коллективизмом и солидаризмом, а индустриальная культура и постиндустриальный мир вообще не нацелены на какое-либо социальное взаимодействие в рамках общин, последнее столетие происходит процесс ато-

¹ Деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

мизации общества или разрушение родовых, семейных, этнических, конфессиональных и многих других связей в обществе, социальное разобщение, социальная изоляция индивидов друг от друга в масштабах целого общества. В результате гипертрофии индивидуальности происходит разрушение всех возможных форм коллективной идентичности. Это до такой степени оказывает влияние на появление культа эгоизма, фрагментацию общества и размывание общих нравственных оснований, что возникает вопрос о возможности сохранения социальной солидарности и поддержания общественного порядка. Данное обстоятельство приводит не только к одиночеству, но и к уничтожению общества. Не случайно, как подмечают культурологи, Егор Прокудин из фильма «Калина красная» Василия Шукшина и Афоня из одноименного фильма «Афоня» мечтают вернуться в свое традиционное общество, на свою малую родину, в родовое село, где все друг другу «братья и сестры». Они хотят сбежать из атомизированной городской среды в деревенскую, в родовое, общинное прошлое, которого уже нет [3].

Дело в том, что человек – «существо коллективное». Радикальный индивидуализм, сопровождающийся эгоизмом или себялюбием, активно расцветающим под лозунгом «я никому ничего не должен», приводит к психиатрическим заболеваниям и отклонениям. Причем к массовым отклонениям или отклонениям масс, как ни парадоксально. Миллионы людей, заикленные на своей индивидуальности и непохожести на других, становятся одержимыми идеей провозглашения своей сексуальной и иной идентичности, как будто эта тема интересна другим. Их неспособность понимать общие интересы, интересы других людей приводит к насильственным способам изменения окружающего мира, заикленности на том, чтобы любыми способами, от статей в СМИ до гей-парадов, постоянно доводить до окружающих важность собственной персональной идентичности.

Ученые фиксируют такие разрушительные для социума тенденции, которые могут завершиться появлением «войны всех против всех». К примеру, американский социолог Мюррей Букчин видит возможное решение проблем в самоорганизованном «восстановлении обще-

ства», возникающем на почве уже сознательно-го поиска коллективных решений [1]. Он считает, что только осознание общей проблемы может побудить людей объединиться, чтобы решить, когда они поймут, что индивидуальные усилия не приносят результата. Иными словами, это уже разумное соединение в коллектив. Однако без общих абсолютных ценностей, устанавливаемых только религиозно, подобное объединение видится утопичным.

Цифровизация способствует еще большей атомизации общества. Венгерский исследователь Ласло Ропольи в своей работе «Философия интернета. Дискурс о природе интернета» называет это постмодернизацией социальных обстоятельств [9]. Этот процесс стал результатом распространения интернет-коммуникации. Ученый отмечает, что сетевые технологии появились не без вины ценностей плюрализма и индивидуализма, свойственных постмодернизму. В этом смысле интернет стал апофеозом атомизации: «Фундаментальные идеи постмодернизма встроены в компьютерные сети, и, таким образом, они, наконец, встраиваются в сеть сетей, интернет».

Если в традиционном обществе с помощью мифов, легенд, сказаний, народного эпоса задавались будущим поколениям нравственные идеалы и ценности, то в обществе Постмодерна господствуют отрицание «больших текстов» и кризис авторитета. Постмодернизм отвергает «большие нарративы» и метарассказы, которые исторически традиционно служили источниками нравственных норм, взглядов, оценок и ориентиров. В результате возник кризис моральных авторитетов, на которых можно было бы учить молодежь. Вместо моральных авторитетов абсолютным объявляется принцип моральной толерантности.

Однако есть в постмодернизме и положительное значение. Дело в том, что постмодернизм предельно заостряет вопрос выбора человека: оказалось, что смыслобизненные проблемы не могут быть разрешены ни в одной системе координат, кроме религиозной. Современный человек стоит перед выбором: либо оставив «гордость» венца творения, принимать на веру религиозные истины, либо признать, что никакого смысла в человеческой жизни нет и быть не может. Любые попытки с помощью разума обосновать иные варианты смыслоу-

строения жизни личности и общества «разбиваются» о нигилизм постмодернизма.

Толерантность как нравственная норма в условиях постмодернизма влечет за собой невозможность универсальной этики человечества. Глобальное человечество не может в современных условиях иметь общей цели, так как «толерантность утверждает отказ терпимого человека от распространения на всех людей тех норм, которые он сам искренне считает обязательными для всего человечества», – утверждают современные философы [2, с. 59]. На место морального универсализма Модерна пришло требование универсализма морального плюрализма. Однако человечество по-прежнему нуждается в главных смыслах своего существования: для чего ему будущее? Ответ на этот и иные смысложизненные вопросы из всех религиозных систем наиболее полно и плодотворно дает христианство, отказ от которого в Новое время и эпоху Просвещения является ярким доказательством истинности. Ведь именно христианство сформировало современную цивилизацию, стало стержнем европейской, а затем и мировой культуры. Однако без стержня, вынутого философами-просветителями и материалистами, человечество обречено на деградацию и гибель. Именно осознание данного обстоятельства современным человеком и внушает определенный оптимизм относительно «будущего человечества»: традиционные духовно-нравственные ценности приобретают особую, футурологическую легитимность, так как именно они позволяют выйти из тупика постмодернизма.

Список использованных источников

1. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Нижний Новгород: Третий Путь, 1996. 190 с.
2. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 285 с.
3. Кирпиченко А. Социальная атомизация: почему важно быть вместе // Газета «Культура». 09.09.2022. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/344596-odinochestvo-bolshogo-mira-istoki-sotsialnoy-atomizatsii> (дата обращения: 03.02.2025).

4. Соболев Р. Апокалипсис по Стэнли Кубрику // Искусство кино. 1974. № 9. С. 145–164.
5. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. 151 с.
6. Филарет (Вознесенский), игум. Конспект по нравственному богословию. М., 1990. 45 с.
7. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2005. 96 с.
8. Pannwitz R. Die Krisis der europäishen Kultur. Nürnberg, 1917.
9. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet. Wagner Z, translator [Internet]. 2013. URL: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
10. Singer P. Animal Liberation. N. Y.: Ecco, 2012.

References

1. Bookchin M. Reconstruction of society: towards a green future. Nizhny Novgorod: The Third Way, 1996. 190 p. [in Russ.].
2. Ilyinskaya S. G. Tolerance as a principle of political action: history, theory, practice. Moscow: Praxis, 2007. 285 p. [in Russ.].
3. Kirpichenok A. Social atomization: why it is important to be together. Newspaper "Culture". 09.09.2022. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/344596-odinochestvo-bolshogo-mira-istoki-sotsialnoy-atomizatsii> (date of access: 03.02.2025) [in Russ.].
4. Romil Sobolev. The Apocalypse by Stanley Kubrick. *The Art of Cinema*. 1974. No. 9. P. 145-164 [in Russ.].
5. Sorokin P. A. The American Sexual Revolution. Moscow: Prospekt Publ., 2006. 151 p. [in Russ.].
6. Filaret (Voznesensky), abbot. A synopsis on moral theology. Moscow, 1990. 45 p. [in Russ.].
7. Eco U. Notes on the margins of "The Name of the Rose". St. Petersburg: Symposium Publ., 2005. 96 p. [in Russ.].
8. Pannwitz R. Die Krisis der europäishen Kultur. Nürnberg, 1917.
9. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet. Wagner Z, translator [Internet]. 2013. <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (date of access: 03.02.2025).
10. Singer P. Animal Liberation. N. Y.: Ecco, 2012.